

Гарри стоило запомнить одну вещь — все хорошее в его жизни должно быть скомпенсировано чем-то плохим. Ему нельзя быть абсолютно счастливым. Лето после четвертого курса было лучшим в его жизни. Несмотря на месяц у Дурслей — они фактически оставили его в покое — несмотря на дементоров и суд, несмотря на все остальное он был счастлив. Этим летом он нашел место, где ему хорошо, и впервые почувствовал любовь и поддержку семьи. Но в странном мире Гарри Поттера было неудивительно, что лето в конечном итоге закончится негативной нотой — пришли известия о жабе.

Это был последний день перед отправлением Хогвартс-экспресса. Невилл и Луна разъехались по домам накануне вечером, пообещав увидеться с друзьями на следующий день, а Уизли переместились в Нору, но должны были присоединиться к Делакурам на Косой аллее, чтобы купить школьные принадлежности.

Гарри сидел в главной гостиной посольского особняка, думая о прошлом месяце, проведенном с его новой семьей, и о будущем году в школе. Удивительно, как изменилось его восприятие за этот месяц после атаки дементора. Раньше он всегда с нетерпением ждал возвращения в Хогвартс, и неважно, торчал ли он все лето на Тисовой улице или выбирался куда-нибудь на пару недель — только в Хогвартсе мальчик мог почувствовать себя дома. Однако в этом году, чувствуя доброту и гостеприимство Делакуров, он почти сожалел о том, что оставит их, хотя, конечно, Флер поедет в Хогвартс вместе с ним. С Аполлин было приятно общаться, Габриель была очень веселой и игривой, а Жан-Себастьян стал ему отцом, которого он никогда не знал. Даже Сириус не мог претендовать на роль отца — со своим искрометным юмором и способностью шутить в любой ситуации, крестный скорее напоминал старшего брата. Про себя Гарри думал, что Сириус и сам считал себя слишком молодым, чтобы быть отцом и не был против своей нынешней роли.

Что касается возвращения в Хогвартс, Гарри мог предсказать многое из того, с чем столкнется в этом году. Фадж был в определенной степени ошеломлен поражением на суде, но, несомненно, нападки министра на него и Дамблдора продолжатся. Министр отказался признать возвращение Волдеморта, а так как многие верят министру, Гарри будет высмеян за "эти выдумки". Приятно было знать, что у него есть друзья и сторонники, которые верят ему и окажут поддержку, что бы ни случилось.

От повседневной жизни в Хогвартсе тоже никуда не убежишь — Снейп будет все так же его ненавидеть, а Малфой — задирать. И, хотя прибить этого мелкого пожирателя смерти хотелось меньше, чем раньше, разобраться с ним стоило как можно скорее.

Пока черноволосый юноша сидел, погружившись в эти мысли, пламя в камине вспыхнуло, и прозвучал запрос директора на проход через камин. Наученный Жан-Себастьяном, Гарри сразу же подошел к камину и предоставил разрешение профессору, отступив чуть назад, чтобы тот мог пройти.

— А, Гарри, я как раз хотел тебя увидеть, — поздоровался Дамблдор. — У меня есть важные новости по поводу этого учебного года. Я бы хотел поделиться ими со всеми вами сразу, ты не мог бы позвать Жан-Себастьяна и своих друзей?

Гарри кивнул и вышел из комнаты, размышляя о новостях, что хотел рассказать профессор. Он был уверен, что ничего хорошего эти новости не несут.

Потребовалось несколько минут, чтобы собрать всех в гостиной. С отъездом Уизли и остальных в доме оставалась только семья Делакуров вместе с Гермионой, которая решила остаться здесь до возвращения в Хогвартс.

Когда все собрались, Дамблдор улыбнулся им и заговорил:

— Есть новости, которыми мне нужно поделиться со всеми вами. Поскольку это напрямую относится к предстоящему учебному году, я решил, что должен сообщить вам все заранее. Особенно вам, Жан-Себастьян, — кивнул он главе семьи Делакуров, — поскольку вы выразили некоторую озабоченность по поводу обучения.

— Ваши заявления не сильно успокаивают, Дамблдор. Может перейдете к делу?— Жан-Себастьян сурово посмотрел на Дамблдора, больше ничем не выдав своих чувств.

Дамблдор кивнул, посмеиваясь.

— Извиняюсь, иногда мы, старики, забываем, что более молодое поколение любит слушать нас гораздо меньше, чем мы сами любим звук собственного голоса. Учту. Сегодня я получил уведомление о том, что министерство назначило профессора на вакансию ЗОТИ в Хогвартсе. Гарри и Гермиона, несомненно, знают, что ни один профессор не продержался на этой должности больше года с начала шестидесятых.

— Но почему, директор? — спросил Гарри, — Не такая уж и плохая работа, я думал, что это довольно престижно.

— Так и есть, Гарри.

— Вы в курсе, что именно не так? — вмешался посл. — Конечно, это не может быть совпадением.

— Я не верю в то, что это совпадение, но у меня нет никаких доказательств — только предположения и догадки, которые, к сожалению, похоже, соответствуют истине.

Дамблдор повернулся к Гарри и вопросительно посмотрел на него.

— Гарри, если я не ошибаюсь, ты уже знаешь настоящее имя Темного Лорда, не так ли?

— Том Риддл, — кивнул Гарри. — Он сказал мне, что Лорд Волдеморт — анаграмма от этого имени.

— Именно, — согласился Дамблдор. — Итак, удивитесь ли вы, узнав, что Том дважды хотел преподавать ЗОТИ в Хогвартсе?

— Волдеморт хотел быть профессором? — спросил Жан-Себастьян, — Это было до или после того, как он начал свою... деятельность?

— До, Жан-Себастьян. Если бы он пришел после, я бы не позволил ему уйти, уверяю вас.

Дамблдор замолчал на несколько мгновений, а Гарри осознал, что ему только что сказали. Волдеморт — учитель Защиты? Он содрогнулся от самой мысли об этом.

— Его первое заявление было подано во время пребывания на посту моего предшественника. Директор Диппет провел собеседование и поблагодарил его за интерес, но сказал, что он слишком молод и неопытен для этой должности. Он попросил Тома вернуться, когда должность будет свободна, после того, как он немного поработает в волшебном мире и разовьет свои навыки. Я полагаю, что на тот момент Том не был доволен отказом, но принял совет и решил проявить себя. Второй раз он попросился на эту должность вскоре после того, как я стал директором школы, и к тому времени он был более чем квалифицирован для этой должности.

— Тогда почему вы его не наняли?

Вопрос Жан-Себастьяна несколько минут висел в воздухе. Хотя Гарри думал, что знает ответ, он ничего не сказал. Следующие слова Дамблдора подтвердили его мысли.

— Я не нанял его, потому что не доверял. Что-то в нем казалось мне странным. Я подозреваю, что к тому времени он задним числом уже практиковал тёмные искусства, поэтому был настолько квалифицирован — лучше всех темную магию понимает тот, кто сам ее использует. Я уверен, что Гарри и Гермиона помнят, насколько качественно преподавал Барти Крауч-младший.

Гарри не любил вспоминать Пожирателя Смерти и то, что происходило в его классе, но кивнул.

— Поэтому, — сказал Дамблдор, продолжая рассказ, — я снова поблагодарил Тома за его интерес, но сказал, что у меня есть еще один кандидат с большим опытом обучения — что и на самом деле было правдой — и отказал ему. Он занимал разные должности, потому что мне хотелось держать его в школе, под наблюдением. Но все же что-то в нем казалось мне неправильным, и я, в конечном итоге, решил, что не могу позволить ему влиять на подрастающее поколение.

— На этот раз Риддл был возмущен отказом, хотя пытался казаться просто разочарованным. Он ушел, и больше не приходил в Хогвартс. Однако с тех самых пор я никогда не мог нанять профессора ЗОТИ больше, чем на год.

— Вы предполагаете, что он наложил проклятие, директор? — спросила Гермиона. — Я слышала о том, что предметы или места могут быть прокляты, но должность?

— Очень хорошо, мисс Грейнджер, — сказал Дамблдор с усмешкой, — Я подозреваю, что Том сделал именно это. Магия чудесна в том числе и потому, что уже существующее заклинание может быть изменено под ваши нужды. Магия в целом способна сделать почти все, что вы можете себе представить, если вы разработаете надлежащий способ. На самом деле, я бы сказал, что учитывая количество мировых культур, которые существовали на протяжении тысячелетий, магия, которая известна нашему обществу, вероятно, является лишь частью огромного объема магических заклинаний, которые были изобретены за все время нашего существования. И это не говоря о других разумных и магических расах. Учитывая все вышесказанное, наложение заклятия на должность не кажется чем-то невозможным, и если кто-то и мог сделать что-то настолько необычное, это Том Риддл. Он очень умен и талантлив.

— Но почему? Что он выигрывает от этого? — спросила Гермиона.

— Почему он делает то, что он делает? — мягко ответил Дамблдор. — Вы можете так же спросить, почему я предпочитаю синий цвет красному. У меня нет реального представления о том, чем руководствуется Том Риддл — я сомневаюсь, что он сам полностью понимает, почему делает так, а не иначе. В этом конкретном случае, однако, я подозреваю, что у его действий есть по крайней мере два мотива: первый — это просто его внутренняя натура — эдакий злобный Том, который был очень уверенным и высокомерным учеником. Он не изменился с годами. Другая причина, вероятно, в попытках ослабить наше общество в целом, в рамках подготовки к захвату власти. Из-за чехарды на должности профессора Защиты, качество обучения снизилось. Если вы посмотрите на оценки СОВ за последние тридцать лет, то увидите насколько средний балл по ЗОТИ упал! По сути, выпускники Хогвартса сорок лет назад способны защищаться лучше, чем те, кто закончил сегодня.

— Итак, как мы снимем проклятие? — спросил Гарри.

— Да уж, совсем несложный вопрос, не так ли? — риторически ответил Дамблдор. — Не зная точно, как Том сделал то, что сделал, обратное заклинание почти невозможно придумать, однако простое решение заключается в том, чтобы любой профессор проработал более одного года, таким образом преодолевая магию проклятия.

— Когда в конце вашего третьего года было объявлено, что профессор Люпин оборотень, я попытался убедить его не уходить в отставку, рассуждая о том, что его возвращение на следующий год сломало бы проклятие. У профессора были другие, более убедительные причины уйти в отставку. Я думал, что профессор Грюм станет тем, кто, наконец, сломает проклятие, но вы знаете, как все вышло. Я сомневаюсь, что в этом году ситуация изменится.

— Это возвращает нас к нашей первоначальной причине дискуссии, Дамблдор, — вмешался Жан-Себастьян. — Полагаю, вы сказали, что министерство навязло вам профессора защиты?

— Ах, да, у нас вышло продолжительное отступление от темы, но, в конечном счете, полезное,

я считаю. Министерство действительно назначило профессора защиты, вытащив старый закон из нафталина, который был издан столетия назад. По сути, он позволяет министерству назначить преподавателя, если директор не смог заполнить эту должность. В этом конкретном случае из-за проклятия в сочетании с инцидентом Крауча прошлого года стало практически невозможно заполнить вакансию — я не получил никаких писем от претендентов на защиту в этом году и не смог найти желающих.

— Что по поводу мистера Грюма? — спросила Гермиона. — Он не сможет быть профессором в этом году?

— С возвращением Волдеморта, к сожалению, у Аластора есть другие, более важные обязанности, которые требуют его внимания.

Жан-Себастьян посмотрел на Дамблдора пронзительным взглядом.

— Дамблдор, я сомневаюсь, что это обсуждение было бы необходимо, но если бы министерство назначило бы, к примеру, компетентного аврора. КОГО они назначили?

Поджав губы, Дамблдор кивнул:

— Вы правы, я был бы доволен любым или почти любым из наших авроров, хотя любой из них был бы огромной потерей для отдела. Однако министр сделал другой выбор. К сожалению, он назначил преподавателем своего старшего заместителя министра. Долорес Амбридж будет профессором защиты.

Гарри не сразу узнал имя, но было ясно, что старшие Делакуры узнали, их внезапно нахмурившиеся лица были тому свидетельством. Гарри ожидал, как Жан-Себастьян отреагирует, и был удивлен, когда тот расстроился. Аполлин, молчавшая до этого момента, выплонула:

— Амбридж? Это самая мерзкая женщина, которую я когда либо видела!

— Полагаю, у вас есть опыт общения с заместителем министра?

Аполлин резко кивнула.

— Она была во Франции несколько лет назад в составе дипломатической делегации, где она сделала оскорбительные комментарии о том, что вейлы — существа, которыми нужно обязательно управлять. Если бы у нее была свобода действий все вейлы были бы заперты и изучены, и официально определены как недочеловеки. Скажите, почему я должна позволить дочери быть субъектом махинаций этой отвратительной женщины?

Протянув руки Жан-Себастьян обнял жену, утешая ее, не сводя хмурого взгляда с Дамблдора.

— Аполлин по-настоящему увлечена этой проблемой, директор, и поскольку наша страна является домом для многих вейл, Долорес Амбридж у нас персона нон-грата. Вопрос Аполлин важен. Флер и Гарри станут мишенью для ее злобы, если выступление заместителя министра в ходе его судебного разбирательства может быть хоть каким-то показателем. Почему мы должны подвергать их такому испытанию, и почему бы нам сразу не перевести их в Шармбатон?

Дамблдор широко развел руки в знак примирения.

— Я понимаю ваше волнение и признаю, что мадам Амбридж... в своих убеждениях... неприятна. Однако я считаю, что вы не учитываете все последствия перевода своих детей из Хогвартса.

Жан-Себастьян переглянулся с женой, прежде чем он повернулся к Дамблдору с сузившимися глазами.

— Объяснитесь.

— Все просто. Теперь, когда Волдеморт вернулся и продолжит охоту за Гарри, именно в интересах Гарри быть защищенным. Не обижайтесь за мадам Максим, но я не думаю, что Гарри будет защищен в Шармбатоне. Во многом это связано с тем, что Волдеморт уважает меня и боится меня, и поэтому Гарри будет безопаснее посещать Хогвартс. Кроме того, Флер также будет там безопаснее, поскольку теперь она, как известно, связана с мистером Поттером и это может быть использовано против нее.

— Я не могу об этом спорить, — сказал Жан-Себастьян через мгновение. — Можно подумать, что вы пытаетесь похвастаться таким заявлением, Дамблдор.

— Конечно нет, — удивился Дамблдор, отбросив комментарий, но не без блеска глаз. —

Правда, пока Гарри находится в Хогвартсе, и пока я там, не думаю, что Волдеморт будет пытаться что-либо сделать, если только он не почувствует полную уверенность в победе.

— Мы все знаем, что Гарри является целью Фаджа, — откровенно продолжал Дамблдор. — Его неспособность дискредитировать Гарри во время судебного разбирательства просто побудила его сменить тактику. Однако, я считаю, что я такая же цель для него, и что друзей Гарри тоже не пощадят. Поэтому мы должны планировать и противостоять сторонникам Фаджа сообща, чтобы в конечном итоге разоблачить, и мне понадобится помощь детей, а именно Гарри, чтобы сделать это.

— Что мне нужно будет делать, профессор? — спросил Гарри. Он не собирался стоять и прислушиваться к тому, что взрослые обсуждали ситуацию: он был слишком часто пассивным наблюдателем в прошлом и старался прекратить импульсивно действовать. Он будет играть более активную роль в событиях.

Дамблдор склонил голову в сторону Гарри.

— Я просто хочу, чтобы вы были самими собой и следили за своим поведением постоянно. Во время суда Амбридж и Фадж попытались заклеить вас как возмутителя спокойствия, который всегда стремится быть в центре внимания. Я не сомневаюсь, что Амбридж попытается вас спровоцировать в некотором роде, вы должны противостоять ее нападкам, пока мы разрабатываем способ обратить ее действия против нее самой и ее министра. Наша реакция во многом будет зависеть от действий Амбридж после вашего прибытия в Хогвартс.

— А что насчет Флер? — потребовала ответа Аполлин.

— Эта женщина будет использовать любую возможность, чтобы досадить Флер, даже если и не будет открыто нападать на нее.

— Мадам Делакур, я заверяю вас, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить вашу дочь. Я сомневаюсь, что мадам Амбридж попытается сделать что-нибудь вопиющее, по крайней мере, не в ближайшей перспективе.

— Мамап, я могу защитить себя, — сказала Флер, пытаясь успокоить свою мать. — Со мной будет Гарри и наши другие друзья, она ничего не сможет сделать.

— Точно будет, мисс Делакур, и я заверяю вас, что нет более верного друга, чем мистер Поттер.

Гарри покраснел сразу после похвалы директора, но застенчиво посмотрел на свою невесту и заверил ее, что он будет готов на все ради нее. Флер посмотрела на него с улыбкой на лице, но она ничего не сказала — за что юноша был благодарен.

В попытке сменить тему — и избавиться от смущения — Гарри спросил, как выглядит Амбридж.

— Ты помнишь женщину в розовом, которая поддерживала Фаджа на суде? — Жан-Себастьян продолжил, в ответ на кивок Гарри.

— Долорес Амбридж — известный фанатик и сторонница любых, даже самых жестких методов в управлении существами. Ее определение существ включает в себя почти все, что не является британским и чистокровным.

Гарри мгновение подумал, прежде чем ему пришла в голову мысль, и он позволил хитрой улыбке появиться на его лице.

— Она может быть гнусной, но, столкнувшись с Вольдемортом четыре раза, я едва ли думаю, что пугливая, розовая, жабоподобная женщина — это то, чего нужно бояться.

Его шутка развеяла напряжение в комнате, как он и предполагал, и компания рассмеялась. Было ясно, что Делакуры, и особенно Апполин, до сих пор недовольны таким развитием и не были довольны отсутствием конкретного плана противодействия тому, что планировала Амбридж для их детей. Однако было также ясно, что, не зная точной причины, чего женщина хотела достичь помимо дискредитации как Дамблдора, так и Гарри, они не могли заранее определить стратегию по борьбе.

Но, как заметила Гермиона, повторив предыдущие слова Дамблдора, у них будет поддержка группы, которая собралась летом, и что Флер, по крайней мере, будет под присмотром близнецов Уизли в классе защиты — они будут на одном курсе. У Гарри не было сомнений в том, что остальные гриффиндорцы седьмого курса, особенно его друзья из команды по квиддичу, примут Флер без колебаний.

Наконец, дискуссия закончилась, и после того, как директор школы попросил Гарри предупредить своих друзей быть бдительными и осторожными, он покинул дом студента, утонувшего в своих мыслях. Он знал, что Амбридж прибудет в школу, чтобы причинить ему неприятности, но почему-то эта мысль его не беспокоила. В конце концов, у них постоянно были проблемы в Хогвартсе, и так или иначе они с ними справлялись. И эта проблема не будет исключением.

Нет, вот его друзья — и его невеста — вызвали у него большую озабоченность. Из-за него они стали мишенями.

***

За день до их возвращения в Хогвартс у Гермионы был крайне интересный визит.

Она вышла из столовой и вернулась в свою комнату, чтобы поразмышлять об изменениях, которые этим летом произошли в ее отношениях и в жизни ее друзей. Это было насыщенное событиями лето, но без быстрых действий ее ближайшего друга и своевременного вмешательства некоторых взрослых результат вполне мог бы быть трагичным. Но что было, то было, и она не хотела думать о плохом, чего удалось избежать.

Жители поместья должны были отправиться в Косой переулок этим утром, чтобы пополнить запасы для школы, и Гермиона с нетерпением ждала поездки. Она знала, что ее друзья дразнят ее за волнение, но она всегда наслаждалась последними днями перед поездкой — возвращение в школу всегда было захватывающим временем для Гермионы, и возможность учиться, не говоря уже о возможности посещения Флориш и Блотс и покупки книг, это было то, что всегда приносило ей огромное удовольствие.

О да, подумала она, Гарри и Флер, конечно, будут дразнить меня из-за моих книжных заскоков.

Особенно Гарри, знавший ее лучше всех, хотя его поддразнивание было бы нежным и игривым, а не злобным и бездушным издевательством, которые она переживала в начальной школе. Во всяком случае, Гарри никогда не причинит ей вреда.

Когда кто-то постучал в дверь, она разрешила войти и не была удивлена заскочившей Флер. Гермиона не упустила серьезных взглядов, которые дарила ей Флер, не только сразу после объявления об обручении, но и в последние дни. Она знала, что Флер была свидетелем близких отношений, которые существовали между ней и ее лучшим другом, даже если бы она еще не слышала об их дружбе, в Хогвартсе в прошлом году. Гермиона уже некоторое время ждала подходящего случая, чтобы успокоить невесту своего лучшего друга.

Пятикурсница улыбнулась и пригласила Флер устроиться на краю кровати. Честно говоря, Гермиона не была уверена, почему эта красавица будет заинтересована в разговоре с ней — Флер была прекрасна и имела гораздо больше внешних достоинств, чтобы привлечь и завоевать внимание любого молодого человека. Гермиона, хотя ее уверенность в себе немного подросла, все еще считала себя маленьким книжным червем. О чем вообще может беспокоиться Флер?

Прогоняя из головы эти мысли, девушка сосредоточилась на другом. Несколько мгновений они поговорили о мелочах, и Гермиона с удивлением заметила попытки Флер поддерживать разговор легкомысленным и дружелюбным. Но она немного узнала ее за время, что они провели вместе, и понимала, что что-то беспокоит ее. Французская ведьма, хотя обычно имела хорошее английское произношение — намного лучше, чем она показывала на турнире, — имела привычку скользить в гораздо более заметный французский акцент, когда она нервничала или волновалась. И поскольку причина волнения не была очевидна, Гермиона могла только сделать вывод, что Флер нервничала из-за Гарри.

— Гермиона, я хотела кое-что спросить, — наконец сказала Флер после того, как их разговор ни о чем продолжался несколько минут.

— Конечно, — отозвалась та.

Флер замерла на мгновение, прежде чем найти в себе мужество и взглянуть Гермионе прямо в глаза.

— Я хотела узнать больше о твоих отношениях с Гарри. Каковы твои чувства к Гарри?

Улыбаясь, что она так хорошо поняла причину волнений подруги, Гермиона сразу же попыталась успокоить ее.

— Мы с Гарри лучшие друзья.

— И?.. — протянула вейла, немного наклонившись к хозяйке комнаты.

— Как я уже сказала, Флер, мы лучшие друзья, — повторила Гермиона, подчеркивая слова. — Мы близки. Я сделаю все возможное для Гарри, и знаю, что он сделает все, что в его силах, для меня. Но нет ничего большего. У нас совершенно платонические отношения, Флер. Мы всегда были как брат и сестра.

Флер фыркнула от этого заявления, заставив Гермиону сузить глаза. Но прежде чем она успела ответить, вейла уже начала говорить.

— Гермиона, — мягко сказала она, потянувшись, чтобы погладить руку Гермионы, —

возможно, ты не осознаешь специфические способности вейл, но я знаю, что ты не говоришь мне правду. Не знаю не пытаешься ли ты лгать и себе тоже, но я хочу, чтобы ты действительно определила свои чувства и была бы настолько откровенна, насколько это возможно. Это очень важно.

— Большая часть волшебного мира считает, что вейлы является чисто существом секса, но послушай настоящую вейлу. Наша магия на самом деле очень созвучна с силой любви. Я чувствую связь между вами, Гермиона, и нет смысла это отрицать. Пожалуйста, будь честной.

На протяжении всей речи Флер Гермиона чувствовала смертельный ужас на почти невыносимом уровне. Флер знала ее тайну! Как она теперь будет жить? Как она может убедить другую девушку когда-либо доверять ей снова? Она знала, что ее поймали, и только правда выведет ее из этого затруднительного положения.

— У меня есть... чувства к... Гарри, — с трудом призналась Гермиона, активно становясь пунцовой. — Я не понимала этого до лета, когда он уже обручился с тобой, но мне он небезразличен.

— Но Флер, — умоляла она, — ты должна мне поверить, я сказала тебе, что наши отношения полностью платонические, и я клянусь, что это все, что было когда-либо. Мы никогда не были чем-то большим, кроме лучших друзей друг друга. Гарри никогда не видел меня таким образом, и сомневаюсь, что когда-либо будет. Я всегда была для него кем-то вроде сестры.

Последнее было сказано с долей горечи, и, несмотря на то, что Гермиона хотела лучшего для своего друга и действительно хотела успокоить Флер, она все же хотела, чтобы Гарри видел в ней больше, чем просто одного из "своих парней".

Она погрузилась в свои мрачные мысли, когда Флер зафыркала и начала легко смеяться.

— Знаешь, — сказала она радостно, — в английском языке есть высказывание, которое прекрасно соответствует ситуации: «Любовь слепа».

— О чем ты говоришь? — хмуро взглянула Гермиона, складывая руки на груди.

Все еще посмеиваясь, Флер в обнимку с Гермионой бросилась на кровать.

— Гермиона, ты самый сообразительный человек, которого я когда-либо знала, но когда дело доходит до Гарри, у тебя слепое пятно размером с акромантула. Думаешь, у Гарри никогда не будет никаких чувств к тебе? Я могу тебе точно сказать, уж он то тебя точно не видит "кем-то

вроде сестры"!

Гермиона сузила взгляд и отстранилась от нее.

— Он никогда этого не показывал

— Подросток? Мальчишка? Балбес? — тон, которым вейла дала такое легкомысленное описание Гарри заставил Гермиону все же захихикать. Но не защитить друга она не могла.

— Флер! Гарри не так уж плох!

— Нет? Он сказал мне абсолютно то же самое о тебе. Как же так вышло?.. — довольно сверкнула глазами ведьма в притворном удивлении.

— Ты спрашивала его обо мне? — удивилась девушка, убирая с лица разметавшиеся темные пряди.

— Не совсем, — успокаивающе сказала Флер. — Мы говорили о вас, но я только спросила его, почему он не пригласил тебя на Рождественский бал, если у него не было партнерши, и он так высоко ценит тебя, как он это говорит. Он именно так и ответил.

Гермиона задумчиво прикусила ее нижнюю губу.

— Он говорил что-нибудь еще?

— Ему не нужно было говорить, Гермиона, я чувствую его эмоции, признает ли он их сам или нет.

Во всяком случае, подтверждение чувств Гарри — или, по крайней мере, утверждение Флер о них — было почти более болезненным, чем подозрение в их существовании. Это заставляло ее думать о том, что все совместно проведенное время — в прошлом. И его неуклонно растущая привлекательность, которую она чувствовала, почти буквально с тех пор, как впервые встретила его. В какой-то степени она знала, что Гарри не очень умеет выражать свои эмоции. Конечно, отчасти из-за того, как с ним обращались его родственники, но также потому, что он просто не был человеком, который явно выказывает свои чувства. Возможно, если бы она взяла инициативу и показала ему, насколько она заинтересована...

Но нет, это бы еще ухудшило бы ситуацию. Если бы они сблизилась так, как она надеялась, появление этого брачного контракта отдалило бы их еще более болезненным образом. После объявления Гермиона приложила все усилия, чтобы примириться с ситуацией, поскольку она ничего не могла с этим поделать, но она никогда не была склонна настолько проклинать эту помолвку, как в тот момент.

Но это было то, с чем она ничего не могла поделать — она не потеряет друга, с которым стала очень близка, или рискует, что Флер скажет ей, что она больше не может видеть Гарри. Его дружба значила для девушки слишком много, чтобы она даже подумала об этом, даже если ей никогда не разрешат стать для него кем-то большим.

— Как бы то ни было, это ничего не меняет, — утвердительно выразила Гермиона. — Что бы Гарри ни чувствовал для меня, он слишком благороден, чтобы когда-либо изменять тебе, и тебе не о чем беспокоиться, Флер.

Горло Гермионы сжалось, и она почувствовала, что ее голос изменился, а в глазах появились слезы. Безжалостно она заставила себя восстановить свое самообладание и встретиться взглядом со своей подругой и наткнулась на плещущееся там сочувствие.

— Я поняла, что у меня есть чувства к Гарри, как бы я не хотела их отрицать. Однако я бы никогда не мечтала вмешаться в ваши отношения с ним, и я знаю, что вам двоим будет хорошо вместе. Поверьте мне, Флер — сердце Гарри настолько велико, и ты такой замечательный человек, что я не сомневаюсь, что он справится с любыми чувствами, которые у него есть для меня, и его любовь к тебе только возрастет.

— Спасибо, Гермиона, — сказала Флер. — Я искренне благодарна за то, что я приобрела таких чудесных друзей. В прошлом, близких друзей было трудно получить, а тем более сохранить. Однако, я хотела бы продолжить эту дискуссию немного дольше.

Гермиона нахмурилась: тон Флер был совершенно спокоен, и она, похоже, не сердилась и даже не беспокоилась о том, что подруга только что призналась в чувствах к своему жениху. О чем она думала?

— Я не уверена, что есть о чем говорить.

— Удовлетвори мое любопытство, пожалуйста, — ответила Флер с улыбкой.

— Я хотела бы знать, как много ты знаешь о законах магии в этой стране. На самом деле, обычаи в волшебном мире настолько старомодны, что, я думаю, ты найдешь немало различий между законами любой из западноевропейских стран.

Осторожно Гермиона уставилась на свою подругу. Флер не могла говорить о возможности Гарри иметь несколько жен, не так ли?

— Гермиона, — сказала Флер нежно, — ты знаешь, что выбор Гарри не ограничивается только мной, единственной женой? У него есть возможность взять еще одну, если я это одобрю.

Потрясенная, что она догадалась о намерениях Флер, и ее глаза расширились.

— Флер, — пробормотала Гермиона. — Ты предлагаешь?.. Ты бы на самом деле подумала о том, чтобы поделиться Гарри с кем-то еще?

Она удобно проигнорировала тот факт, что Флер не только предложила именно это, но и предположила, что она поделится Гарри именно с ней.

— Ага, так ты знаешь?

— Я слышала об этом, да, — нервно бросила Гермиона. — Ты не ответила на мой вопрос.

— Позволь мне догадаться, это сказала тебе Джиневра Уизли. Правильно?

— И что? — потребовала Гермиона.

— Ничего, — призналась Флер. — Но она может забыть об этом. Если я буду одобрять вторую жену, то она ей, безусловно, не будет.

Разговор зашел куда-то не туда, и Гермиона немного была расстроена поведением Флер. Однако, опираясь на ее, по-видимому, просто бездну терпения, Гермиона пристально посмотрела на светловолосую ведьму и вяло попыталась защитить свою другую подругу.

— Джинни — не плохой человек, Флер, — пробормотала Гермиона.

— Нет, но она немного фанатична. Из всех людей, уж ты точно должна знать, как сильно Гарри ненавидит свою славу.

— Я знаю, но и Джинни меняется. Когда мы говорили, я сказала ей, что лучше всего попытаться стать его другом, а не пытаться сразу стать женой героя.

Флер фыркнула.

— Хороший совет.

— Ты все еще не ответила на мой вопрос, Флер.

— И я все равно не соглашусь, — ответила французская ведьма тем, что Гермиона считала дерзкой ухмылкой.

— Во-первых, хотя я признаю, что у меня уже есть представление о твоём мнении по этому вопросу, можешь ли ты сказать мне, готова ли и ты поделиться со мной Гарри?

Прищурив глаза, Гермиона впилась взглядом в Флер, прежде чем решила, что она ответит гораздо быстрее, если она сдастся.

— Чтобы быть абсолютно честной, Флер, я не знаю, — призналась Гермиона. — Я имею в виду, если бы я была достаточно влюблена в кого-то, полагаю возможно поделиться возлюбленным с кем-то другим, но я не могу утверждать, пока не окажусь в этом положении. Я была воспитана с верой, что такие отношения ошибочны, в конце концов.

— Теперь ты ответишь на мой вопрос?

Взгляд, которым Гермиона окинула Флер, по-видимому, показался французской ведьме забавным, и она сразу начала смеяться. Еще немного "пободавшись" взглядами с Флер, Гермиона взорвалась:

— Флер, ты можешь быть серьезной?

— Прости, Гермиона, — сказала Флер, перестав хихикать. Ее лицо мгновенно приняло серьезное выражение вместо смешливого. — Пойми, мне тоже сложно, просто пытаюсь справиться со стрессом с помощью юмора.

Поняв, что старшая ведьма не смеется над ней, Гермиона вновь взяла ее за руку.

— Мне кажется, мы слишком рано завели этот разговор. Вас с Гарри только что помолвили, а ты уже пытаешься найти ему вторую жену. Быть может, вам стоит сначала свыкнуться друг с другом?

— Возможно, — сказала Флер, вздохнув. — Но мои чувства говорят мне обратное. Я уверена, что ты испытываешь глубокие чувства к Гарри, и, если я права, разделять вас — даже при условии, что никто из нас не виноват — было бы ошибкой.

— Но мне всего лишь пятнадцать лет! Немного рановато, чтобы искать любовь всей жизни. — Гермиона говорила с сарказмом, стараясь донести до подруги, что достаточно молода и еще успеет себе кого-нибудь найти.

К сожалению, Флер приняла все сказанное за чистую монету.

— А может быть, ты уже нашла. Конечно, люди эмоционально развиваются с течением жизни, но это не значит, что эмоции, которые человек испытывает в юности значат меньше эмоций взрослого. У Гарри очень доброе сердце, Гермиона, и, судя по тому, что происходит между вами, ваша эмоциональная связь очень крепка. Стоит сказать, что я не единственная, кто заметил вашу близость. Мама подтверждает мои наблюдения, и вы оба будете дураками, если отвергнете даже самую возможность отношений.

Часть Гермионы отказывалась верить в это предложение, ведь Гарри с Флер уже были связаны контрактом, который подписали Месье Делакур и Сириус. Возможно, Флер считает, что таким образом сможет заинтересовать Гарри.

Однозначно дело было не только в том, что Гермиона испытывала какие-то чувства к Гарри.

— Флер, ответь мне, — осторожно начала Гермиона, — ты интересуешься, хочу ли я делить с тобой Гарри, но хочешь ли этого ты сама?

Флер вздохнула и отвела взгляд:

— Ты должна знать, что в прошлом вейлы всегда были любовницами или наложницами — таково мое наследие.

— А сейчас ты уходишь от ответа. Это было в прошлом, и, хотя магический мир в своем развитии отстает от маггловского, думаю, что у нас достаточно цивилизованное общество, и тебе не стоит беспокоиться, что кто-нибудь будет принуждать тебя к таким отношениям. Так что объясни, пожалуйста, почему ты поднимаешь эту тему, и действительно ли хочешь делить со мной Гарри.

Хотя француженка перевернулась на спину, Гермиона видела ее лицо и понимала, что та обдумывает свой ответ. Флер сжала руки и чуть заметно потрясла головой. Гермиона дала вейле время собраться с мыслями.

Наконец та заговорила тихим, но уверенным голосом.

— Честно говоря, я никогда не ожидала, что окажусь в такой ситуации. Мне известна суть моего наследия, но я всегда хотела найти человека, который полюбит только меня, а я — его. Думаю, что такого человека я нашла. Мы с Гарри сочетаемся. Не совсем так, как вы с ним, но тем не менее.

— Тогда о чем разговор? — мягко спросила Гермиона. — Он — твой, Флер, твой по условиям контракта и не только! Как ты уже говорила, у Гарри доброе сердце, и если вы и правда сочетаетесь, то скоро полюбите друг друга. Здесь нечего обсуждать.

Ответом ей был вздох.

— Может, ты и права, но есть вещи важнее моих желаний. Да, мне хочется быть счастливой, но мне так же хочется, чтобы Гарри был счастлив, а его счастье, по крайней мере частично, зависит от тебя. Его первая, настоящая любовь — ты, и я не хочу стоять между вами.

Гермиона была очень тронута самоотверженностью Флер и ее заботой о Гарри.

— Вряд ли Гарри решит, что ты стоишь между нами, хотя меня очень трогает твоя забота о нем.

— Я действительно волнуюсь за него, хотя мы все еще не очень хорошо друг друга знаем. Но есть вещи еще важнее, чем его выказанные желания. Я так полагаю, что ты уже прочитала некоторые сведения о вейлах?

Немного покраснев, Гермиона подумала, что слава книжного червя уже опережает её.

— В книгах я смогла найти совсем немного информации, хотела попробовать отыскать что-нибудь еще во Флориш и Блоттс.

Флер презрительно фыркнула.

— Единственным местом в этой стране, где ты сможешь найти хоть что-то о вейлах, будет книга о магических существах. И даже там, скорее всего, будет не полная информация или искаженная полностью. На континенте ты можешь узнать гораздо больше. Чтобы сэкономить время, я расскажу тебе сама. Вейлы — это люди с необычными свойствами, а наши дети всегда чистокровны...

Обдумывая услышанное, Гермиона прикинула, что ей известно о вейлах. Небольшой опыт общения с Флер и ее сестрой на прошлогоднем Турнире, вейлы на Кубке мира, да то немного, что можно было прочитать в книгах. Но встречались ли где-нибудь упоминания мужчин-вейл? Неужели...

— Вейлы всегда девочки? А сыновья вейл — самые обыкновенные мальчики?

— Я была уверена, что ты догадаешься, — Флер одобрительно кивнула. — Все верно. Все мои дочери будут вейлами, а сыновья — обычными, хоть и достаточно привлекательными, мальчиками. К тому же, вейле очень сложно забеременеть. Даже два ребенка для нас — редкость, чаще всего бывает только один ребенок, и в 90% случаев — девочка.

— А Гарри — последний из своего рода, — выдохнула Гермиона, мгновенно поняв суть проблемы.

— Именно. И если я стану единственной его женой, то очень велик шанс, что имя Поттер он заберёт с собой в могилу. И, если кому-то придется стать его второй женой, чтобы родить наследника, почему бы этим кем-то не стать тебе — человеку, к которому Гарри испытывает чувства. Уверяю, есть много чистокровных семей, которые знают о природе вейл — или в скором времени узнают — и захотят использовать эту возможность породниться с Поттерами.

— Сомневаюсь, что кто-то подойдет ему лучше, чем ты — храбрая, верная, невозможно умная, и, к тому же, привлекаешь его. Ко всему прочему, ты знаешь настоящего Гарри, а не

легендарного Мальчика-Который-Выжил. В общем лучшего кандидата не найти, — Флер обхватила руку Гермионы и немного сжала, передавая ей свое волнение.

Стоило признать, что во всем сказанном был смысл. Ее аргументы были продуманными и логичными. Гермиону растили магглы, а для них отсутствие мужчины-наследника уже не было чем-то ужасным — в конце концов, она сама была единственным ребенком — но похоже, что в магическом мире с этим все было куда серьезнее.

Все возвращалось к вопросу, сможет ли она разделить супруга с кем-либо ещё, жить, зная, что часть руки и сердца мужа принадлежит другому человеку. На данный момент ей нужно было время, чтобы обдумать все. Еще было непонятно, как на это отреагируют ее родители. Они, хоть и не были верующими христианами, соблюдая традиции на рождество и пасху и благополучно забывая на все остальное время, все же выросли в западном обществе, где многоженство считалось аморальным. Их реакцию трудно было предсказать, но уж точно ее родители не будут счастливы такому повороту, хотя, наверное, примут так же, как и приняли новость о том, что их дочь — волшебница. К сожалению, из-за магии они все больше отдалялись от дочери, а магический брак сделает пропасть еще глубже.

— В твоих доводах есть смысл, — наконец медленно сказала она, обдумывая каждое слово, стараясь донести до собеседницы именно то, что хотела, — Я понимаю, и часть меня хочет немедленно воспользоваться шансом, но есть вещи, которые сдерживают это желание.

Флер сочувственно посмотрела на нее и мягко произнесла:

— Гермиона, я не прошу тебя связывать себя с Гарри на всю оставшуюся жизнь прямо сейчас. Ты все еще очень юна, и сама говорила, что тебе еще рановато принимать настолько серьезное решение. Но мне хотелось обсудить это по двум причинам. Во-первых, тебе нужно крепко подумать над моим предложением. Я не знаю, быть может, даже если бы я не вошла в вашу жизнь, у вас с ним не было бы отношений. Мой дар помогает видеть некоторые вещи, но я не могу предугадать желаний человека. Помолвка делает твои возможные отношения с Гарри еще сложнее. Я хочу, чтобы ты все взвесила и уже после приняла решение. Во-вторых, мне нужно тебя предостеречь. Не пытайся заполнить пустоту от «потери» Гарри тем, кто совершенно тебе не подходит, это сделает тебя несчастной.

Хотя Флер не называла имен, было понятно, что она говорила о Роне, и, в какой-то степени, была права. Рон нравился Гермионе, он был хорошим другом и верным товарищем, особенно, если не давал своей зависти прорываться наружу. Но Гермиона и сама понимала, что отношения между ними не смогут продлиться долго. Разные цели, приоритеты и характеры, в конце концов, приведут к катастрофе. Слова Флер окончательно развеяли малейшие сомнения по этому поводу. Они с Роном — не пара.

— Поняла. Я подумаю об этом.

— О большем я и не прошу.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263427>